

Переход

Оксана Тесленко

«А может, не надо?» — Геннадий Андреевич остановился у обшарпанной двери. Его поднятая рука в нерешительности зависла над кнопкой звонка.

Зачем ему это? Ведь все есть: имя, заслуженное долгой и трудной жизнью в науке; известность в научных кругах; кафедра в университете, ученики, студенты, аспиранты; его учебники рекомендованы для преподавания истории древнего мира во всех вузах страны. Есть устоявшийся круг заклятых оппонентов и убежденных врагов, а это значит, что ему не только удалось сказать свое слово в исторической науке, но, что самое важное, оно услышано. Есть и вульгарные завистники, а это лучший индикатор успешности. Есть полный набор материальных атрибутов, соответствующих высокому социальному положению. Хотя сам он весьма непритворлив в быту: ему вполне хватило бы любимого рабочего кабинета, до потолка заставленного книгами, — только бы никто не грузил нудными домашними проблемами. Он хорошо зарабатывает для того, чтобы семья ни в чем не испытывала недостат-

ФАНТАСТИКА

ка, и вполне заслужил, чтобы его не дергали по мелочам. Есть практически все, чего можно добиться собственным умом и честным трудом. Чего же ему еще не хватает в жизни?

То-то и оно, что чего-то не хватает. Нет ко всему этому искры — живой, яркой, чтобы разжечь затухающий интерес к жизни и науке. Что-то потерялось в гонке за известностью и успехом...

Геннадий Андреевич решительно нажал на звонок.

Лязгнули, звякнули, громыхнули замки. Дверь, удерживаемая массивной цепочкой, приоткрылась, и в узкой щелке возник вопросительный глаз.

— Я — профессор Бибиков, — почему-то виноватым голосом сообщил глазу Геннадий Андреевич и, будто бы оправдываясь, добавил: — Мне назначено.

Дверь захлопнулась. Профессор растерянно посмотрел на звонок, но прикоснуться к нему еще раз не хватило смелости.

Вот и славно! Вот все и решилось!.. Геннадий Андреевич уж было приготовился припустить вниз по лестнице, как нашкодивший мальчишка, но за дверью вновь что-то задрезбужало, щелкнуло, и на пороге возник небольшого роста мужчина в явно неновом спортивном костюме.

— Проходите, профессор! — пригласил он. — Я — Олег Митрофанович, — представился хозяин, поняв замешательство гостя.

Действительно, Геннадий Андреевич несколько смутился: совсем не таким он представлял себе человека, которому решил довериться в весьма рискованном предприятии. В хозяйине не было ни отрешенной загадочности мастера оккультных наук, ни солидности ученого, ни сосредоточенности инженера. Больше всего он походил на деловитого снабженца или жуликоватого завкладом: кругленький, плотненький, с широкой сладкой улыбкой, какой-то весь блестящий и сдобный, как булочка-марципан из университетского буфета.

— Вы в курсе, как все будет происходить? — уже в комнате спросил Олег Митрофанович, которого профессор тут же мысленно окрестил Олегом Марципановичем.

— Алексей рассказывал. Приблизительно...

Покой и сон Геннадий Андреевич потерял сразу после того, как прошла защита кандидатской диссертации его аспиранта Леша.

Леша был парнем старательным и не лишенным способностей, но совершенно без воображения и особой интуиции, необходимой настоящему ученому. Поэтому его работа над темой продвигалась медленно и скучно. До одного момента несколько месяцев назад. Геннадий Андреевич этот момент почувствовал, но даже предположить не мог, какова причина такой разительной перемены в его ученике. Диссертацию по эпохе правления династии Птолемеев Леша написал весьма и весьма интересно. Доклад на защите звучал так живо и увлекательно, будто диссертант сам побывал в Древнем Египте и лично знаком с каждой из семи цариц Клеопатр. Члены ученого совета слушали доклад с открытыми ртами. Оппоненты, традиционно развлекающие почтенную публику на защитах,

на этот раз выглядели бледно и неубедительно. Геннадий Андреевич чувствовал, что такой успех ученика должен иметь какое-то рациональное объяснение.

Загадочные попытки Леша уйти от разговора на эту тему укрепляли подозрения. И только на банкете по случаю защиты, когда непривычный к алкоголю Алексей слегка потерял над собой контроль, профессору удалось вытянуть из него правду. Она оказалась простой и абсолютно иррациональной: Леша действительно побывал в Древнем Египте и действительно видел тех самых цариц. Правда, не всех, а только пятерых.

Как нормальный здравомыслящий человек и серьезный ученый, профессор сначала принял рассказ ученика за фантазию, разыгравшуюся под влиянием волнения и крепких напитков. Но Леша пообещал поговорить с каким-то своим родственником, точнее, с дядюшкой. Он-то и испытывал на племяннике свое изобретение. В общем, Леша пообещал организовать учителю путешествие во времени. И слово сдержал.

Конечно, это была авантюра, опасная и с непредсказуемыми последствиями. Конечно, Геннадию Андреевичу не просто было решиться на такое. Но он чувствовал, что упустить столь фантастический шанс не имеет права. Чувствовал, что в последнее время стал терять с таким трудом завоеванные позиции, повторяет собственные же ранние работы, дробя и перемалывая их в жалкие статейки. Нужно срочно получить доступ к новым идеям. Обрести утраченное вдохновение. Если все это правда, то он сможет увидеть Древний Рим, пока ученые коллеги додумывают и реконструируют его по мере своей фантазии, выковыривая из земли жалкие фрагменты, обломки, осколки, песчинки, пылинки былого величия Вечного города.

А вот узнать у Алексея о технике перехода Геннадий Андреевич не додумался. Поэтому на вопрос Марципановича ответил уклончиво:

— Представляю в самых общих чертах. Но хотелось бы знать поподробней. (А про себя добавил: «Во что я впутываюсь!»)

Марципанович принял торжественную позу, глубоко вдохнул и объявил:

— Надеюсь, вы понимаете, что перемещение материальных тел во времени — это абсолютная безответственность и полный нонсенс, выдуманный авторами так называемой научной фантастики для развлечения публики. Даже если бы можно было найти техническое решение для таких переходов, это было бы смертельно опасно для цивилизации!

— Как бабочка у Брэдбери? — вспомнил Геннадий Андреевич. На какой-то момент он почувствовал себя студентом-первокурсником на лекции.

— Вот! В том-то и дело, что на несчастное насекомое совершенно напрасно повесили обвинение в искажении исторического хода событий. Сам факт проведения такого сафари в историю неизбежно нарушил бы равновесие между прошлым и будущим и имел бы весьма серьезные последствия. При переходе белкового тела во времени нарушаются законы сохранения энергии и вещества. А это, в свою очередь, может привести к искривлению времени. Результат для человечества может быть — от ужасного до фатального! — Марципанович вдруг унял пафос и критически посмотрел на профессора. — И вообще, как, по вашему мнению, отнесутся... Куда вы мечтаете попасть?

— В Древний Рим, Рим Счастливой эпохи. Время правления императора Адриана.

— И что скажут счастливые древние римляне, увидев на улице своего города вот такого господина в академическом костюме с галстуком, да еще и говорящего по-русски?

— Я в совершенстве владею латынью и древнегреческим, — с достоинством объявил Геннадий Андреевич. Про то, что в портфеле у него лежит взятая напрокат в театральной костюмерной римская тога и сандалии на веревочках, он решил умолчать.

— А очки? Как вы намерены объяснять древним происхождение сего предмета?

Это вопрос! Если оставить очки здесь, то как и что можно увидеть там?

— Ладно. Так мы плавно подходим к сути моей методики. — Марципаных расправил узкие плечи и, как смог, подтянул животик. — А суть перехода заключается в обмене тонкими энергетическими телами между биологическими объектами заданного прошлого и настоящего через портал в шестом измерении. — Он застыл в театральной позе, будто ожидая оваций.

Но их не последовало. Единственный слушатель сидел в тихой прострации и, совершенно очевидно, мало что понимал. Марципаных вздохнул и продолжил:

— Проще говоря, ваше тело остается здесь, в этой комнате, на этой кушетке, а так называемая душа отправляется в Рим Счастливой эпохи и бережно помещается в тело древнего римлянина, душа которого встречным курсом, соблюдая все физические законы равновесия, аккуратно заселяется в это тело. — Он ткнул пальцем в профессора, как в уже неодушевленный предмет. — Изящное решение, как вы находите?

«Я нахожу, что я болван и самонадеянный осел», — подумал профессор.

Теперь самое время встать, вежливо распрощаться, передать привет племяннику Алеше, уйти и забыть об этом сумасшедшем бреде. Но Геннадий Андреевич продолжал сидеть, как привязанный к стулу, а тем временем Марципаных уже переместился к жестяному ящику в углу комнаты.

— Это аккумулятор эпсилон-энергии, — сказал он. — Его заряда хватает на то, чтобы держать портал открытым в течение суток плюс-минус один час. А вот это — компьютер, управляющий генератором перехода. В какой год, говорите, вы хотите попасть?

— В сто восемнадцатый нашей эры.

— Чудесно. Место? Ах да, Рим... Сейчас сверимся с Google Earth. В этом деле очень важно с максимальной точностью задать координаты места. Вот историческая часть города, где-то здесь должен был размещаться дворец императора. Правильно? Вы же хотите увидеть императора?

— А попасть в белковое тело императора я могу? — неожиданно для себя спросил Геннадий Андреевич.

— Теоретически — да, хотя вероятность такого события ничтожно мала. Разве что нам удастся угадать координаты точки, в которой император окажется в момент перехода. Но только зачем? Это уже будет не император, а вы, но с другим отражением в зеркале. Да и ответственность, знаете ли... Не забывайте об ответственности! От вас потребуются предельная осторожность! Любое неловкое вмешательство в исторический ход событий может навредить человечеству. Помните: вы можете быть только наблюдателем... Перебирайтесь на кушетку, устраивайтесь поудобней, я сделаю вам укольчик. Снотворное, обычное снотворное! — успокоил он готового возмутиться профессора. — Исключительно из соображений гуманности по отношению к тому древнему римлянину, который предоставит вам свое тело. Подумайте, каково ему будет внезапно оказаться в нашем времени?

Геннадию Андреевичу пришлось согласиться — даже после инструктажа его психика с трудом справлялась с услышанным. А неподготовленный человек может просто сойти с ума. В общем, он послушно подставил руку для укола.

«Попался, голубчик!..» — мягко скользнуло в затухающем сознании профессора.

Веер тонюсеньких солнечных лучей пробивался сквозь щели в двери и скупо освещал убогую комнату. Геннадий Андреевич осмотрелся: он лежал, свернувшись калачиком, на куче соломы.

«А если это тюрьма и я в ней заключенный?» — с ужасом подумал он.

Да, более обидного и нелепого путешествия во времени придумать было невозможно! Если, конечно, Марципаных не шульничал и это действительно прошлое.

Вдруг он почувствовал рядом с собой тихую возню и шебуршение. Что-то запищало. Крысы! Геннадий Андреевич рванулся отскочить, но у него ничего не получалось. Не удалось даже сесть. Тело не хотело слушаться. Только этого не хватало! Может, еще не привык? Он потянулся к пятну света, чтобы рассмотреть руки своего временного тела.

А рук-то и не было! И ног тоже не было! На их месте профессор увидел покрытые короткой и жесткой светло-палевой шерстью собачьи лапы. Геннадию Андреевичу стало плохо. Очень плохо. Так, что захотелось завывать.

— Бегу, уже бегу! — услышал он скрипучий старческий голос. — Ну что же ты так расшумелась, принцесса? Кушать хочешь, знаю. Я принес твоё любимое лакомство, — произнес голос на плохой латыни.

Только благодаря врожденной интеллигентности Геннадию Андреевичу удалось удержаться, чтобы не укусить подошедшего к нему старика.

— Ну что же ты отворачиваешься, дорогая? Это же твоя любимая печень ягненка.

Профессор застонал.

— Ну, не надо скулить, надо хорошо кушать. Тебе же кормить щенков.

Так вот что это возилось и беспрестанно пищало в соломе! Крошечные слепые щенята. Ко всему еще и это... Гора нелепостей громоздилась все выше и круче. Геннадий Андреевич понял, что у него больше нет сил переносить эти потрясения. Он положил голову на длинные крепкие лапы и закрыл глаза с твердым намерением не открывать их ближайшие сутки плюс-минус один час.

Тем временем старик ушел, кряхтя и охая. Стало относительно тихо, только голодные щенки, повизгивая, беспрестанно тыкались влажными мордами в бока профессора.

Вдруг с улицы долетел обрывок фразы, сказанной громким, привычным повелевать, голосом:

— Хоть пахнет от мозгов белых павлинов, но чтобы она была сыта и бодра!

Уже знакомый старческий голос что-то виновато пробормотал в ответ. Дверь распахнулась. В помещение стремительно вошел высокий человек в изящно драпированном плаще-паллии, заколотом на плече драгоценной фибулой. Геннадий Андреевич испуганно дернулся и попытался забиться в угол. Но вошедший опустился на колени рядом с ним и ласково погладил по голове.

— Что с тобой, девочка? — жарко зашептал он в собачье ухо. — Ты не можешь так со мной поступить! Весь Рим замер в ожидании, кто из моих приближенных удостоится чести получить твоих щенков. Обещаю тебе — это будут лучшие люди империи! Ты должна вырастить мне настоящих молосских собак — сильных и здоровых. Девочка, ну пожалуйста...

Профессор не мог слушать эту чушь. Он тоскливо смотрел в открытую дверь, где сиял белым мрамором угол дворца античного вельможи. Античное солнце играло бликами на розовом гравии парковых дорожек. Над клумбой с античными цветками, совсем такими же, что разводила на даче в Полунине его жена, порхали яркие субтропические бабочки. Из-за пышных кустов донесся весьма неблагозвучный крик античного павлина...

Профессору стало страшно: а вдруг этот античный самодур, который сейчас лезет к нему с нелепыми ласками, изведет на паштет крошечные мозги целого стада редчайших павлинов-альбиносов для улаживания своей любимой собаки и после

этого дальнейшая история пойдет вкривь и вкось? Если современность получит других президентов, это еще ничего, возможно, даже к лучшему. А вот если он сам, профессор Бибииков, в измененной действительности окажется каким-нибудь торгашом на вещевом рынке? Или Марципаных за несанкционированные опыты над людьми уже отдыхает за решеткой, а не дежурит у открытого портала?

Профессор нервно вздрогнул и потянулся к миске собачьей едой.

— Вот и умница, Каллиста! Разве же можно было так пугать папочку?

Геннадий Андреевич едва не подавился печенкой. Так вот что это за собака! Любимая молоска императора Адриана! А это означает... что сам великий император сейчас стоит перед ним на коленях, гладит по голове и шепчет на ушко всякие глупые нежности!

Увидев, что его Каллиста поела и теперь жадно припала к плошке с водой, император на цыпочках, дабы не потревожить выздоравливающую, выскользнул из комнаты. Геннадий Андреевич перевел дыхание. В соломе продолжали пищать голодные щенки.

Щенки... Выходит, это не просто маленькие собачки, а большая политика. И сейчас от воли Геннадия Андреевича зависит, смогут ли они пережить эти сутки и дожидаться своей матери живыми и здоровыми. А потом указать Великому Риму, кто из приближенных императора нынче в фаворе. И сейчас здоровье щенков стало личной ответственностью профессора перед историей. Но как спасать щенков, он совершенно не представлял. Поэтому перевалился на бок, открыв малышам переполненные молоком соски, и зажмурился: будь что будет.

Слепышей не пришлось долго уговаривать — они быстро нашли дорогу к еде. И как только первый щенок деловито ухватился нежными губами за сосок, прижал его шершавым язычком, уперся лапками в материнский живот и радостно зачмокал, профессора внезапно охватило такое чувство... Ничего подобного, с чем можно бы сравнить эти ощущения, в его жизненном опыте никогда не было. Он лежал, боясь пошелохнуться, чтобы не спугнуть то светлое, животное счастье, которое наполнило крепкое тело молосски Каллисты и тонкое энергетическое тело Геннадия Андреевича. И только когда последний щенок, насытившись, выпустил сосок, профессор понял, что сейчас лопнет от избытка чувств. И неожиданно для себя лизнул ближнего малыша. Опасливо оглянувшись, не подсматривает ли кто-нибудь, а потом вылизал одного за другим всех шестерых щенков — от теплых, пахнущих молоком мордашек до мохнатых тугих животиков. И только после этого, утомленный необычностью пережитых эмоций, но чрезвычайно удовлетворенный, позволил себе задремать чутким сном. В любую секунду он был готов стать на защиту своих щенков и порвать любого, кто осмелится хотя бы недобро на них взглянуть.

Несколько раз за этот трудный и счастливый день старый раб выводил его на прогулку в императорский парк. Сквозь пряный аромат цветов и хвои профессор чутким носом молосски улавливал запахи большого города — дыма, навоза, пыли. Профессор вполне освоился с ходьбой по-собачьи и уже почти не путался в очередности переставления лап. Он чувствовал, что ему ничего не стоит перемахнуть через изгородь и оказаться посреди настоящего Древнего Рима. Но почему-то этого совсем не хотелось. Что особенного в том городе? Он существует уже столько столетий и проживет еще столько же. А древние римляне — чем они замечательны? Так же уверены, что находятся на вершине, бьются в плену вечных проблем, вперед способны видеть не больше чем на время жизни своих детей, максимум — внуков. Да профессор знает о них почти на две тысячи лет больше! А вот щенки... Эти шесть крошек необъяснимо и непреодолимо манили его в полутем-

ФАНТАСТИКА

ный флигель императорского дворца. Ему было жаль каждой минуты этих суток, проведенной вдали от них. А сутки неслись к завершению так быстро, как может заканчиваться только самое лучшее в жизни.

Профессор открыл глаза.

Над ним склонилось заметно осунувшееся, посеревшее лицо Марципаныха. Оно совершенно утратило гладкость и сдобный блеск и сейчас больше всего напоминало заплесневелый сухарь.

— Профессор, это вы? — спросил Марципаных сдавленным шепотом.

— Олег Митрофанович, а это вы? — тоже шепотом ответил удивленный Геннадий Андреевич.

— Слава всем богам, вы вернулись! — Трясущимися руками Марципаных стал развязывать бинты, жгуты, веревки, которыми профессор был прикручен к кушетке. — Вы просыпались... Ваше тело... Вы- вырывалось... И таким голосом!.. Эти звуки... — Он вдруг спохватился: — Как вы себя чувствуете?

— Отлично. Видел императора Адриана.

— А почему?.. Ну, в общем...

— У нее там остались дети. Совсем маленькие дети.

— У кого — у нее? — Марципаных выглядел сильно озадаченным.

Геннадий Андреевич оделся и, слегка покачиваясь, двинулся в прихожую. Марципаных шел следом и уже у дверей быстро заговорил:

— Я вас очень прошу! Видимо, технология требует усовершенствования. Мне надо многое переосмыслить. Вы никому не говорите о том, что я... что вы... Ну, в общем, никому и ничего не рассказывайте. Обещаете? — и заискивающе посмотрел в глаза профессору.

— Можете не сомневаться — никогда и никому!..

Город полыхал осенними красками. По тротуарам спешили люди — каждый со своими насущными проблемами и заботами. Нервно дергались в пробке разноцветные автомобили.

Геннадий Андреевич шел по улице, широко размахивая портфелем. Брать такси или пользоваться услугами общественного транспорта совершенно не хотелось. Давненько ему не приходилось так гулять — неторопливо, осматриваясь по сторонам, подбивая ногами опавшие листья, до которых еще не успели добраться проворные дворники.

Жаль, что он так и не нашел времени понянчить дочку. Ее уже не приласкаешь, не усадишь себе на колени, не сделаешь козу: выросла девочка. У нее своя семья, своя жизнь, свои интересы, неведомые родному отцу. Но уж когда появятся внуки, Геннадий Андреевич своего, дедовского, не упустит!..

Да, и еще надо будет непременно спросить у жены, как называются те ее античные цветы на даче.